

А.Я. Лурье

Александр Невский

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.Я. Лурье**
Александр Невский / А.Я. Лурье – М.: Книга по Требованию, 2019. – 55 с.

ISBN 978-5-458-24189-2

«По летописным данным и печатным источникам автор излагает полководческую и политическую деятельность одного из выдающихся деятелей русского государства великого князя Александра Невского, горячего патриота своей родины, успешно боровшегося с ее врагами и наголову разгромившего "псов-рыцарей" на льду Чудского озера.»

ISBN 978-5-458-24189-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

волости были подчинены полоцким князьям. Таким образом при захвате балтийского Приморья немецким захватчиком неизбежно пришлось столкнуться с русскими князьями. Вначале хищники действовали хитро и острожно. Свои намерения они маскировали «мирной деятельностью» — торговлей и пропагандой католицизма.

Вслед за появлением немецких куниц в Иксеуль появился фанатический проповедник католицизма — зигсбергский монах Мейнгард. Его религиозная проповедь началась в 1186 г.

Мейнгард сумел завоевать доверие недалековидного Владимира, князя полоцкого, и получил у него разрешение на миссионерскую деятельность. Немецкие хроники с укоризной отмечают, что русские князья никогда не навязывали силой своей веры подчиненным им язычникам. Еще бы! Немецкий «опыт» в Восточной Пруссии учил совсем иному:

«Христианско-германская культура прежде всего захватила пруссов...— рассказывает об этом К. Маркс¹, ...«Рыцари» неистовствуют, как испанцы в Мексике и Перу; пруссы храбро сопротивляются, но все более и более изнемогают; чужеземные завоеватели проникают в глубь страны, вырубает леса, осушают болота, уничтожают свободу и феодализм коренного населения, основывают замки, города, монастыри, сеньории и епископства немецкого образца. Там, где жителей не истребляют, их обращают в рабство».

С крестом в одной руке, с мечом в другой немецкий проповедник показал, как, по его мнению, надо «распространять христианскую культуру». Первым делом он позаботился о дальнейшем вооружении немецкого колонизационного центра: весной 1185 г. Мейнгард выписал из Готланда каменщиков и построил в Иксеуле и Гольме замки (бурги), вооружив их баллистами (каменными машинами).

Несмотря на лживые утверждения немецких хронистов, будто «проповедь имела успех», местное население (как и все вообще славяне) смертельно ненавидело католических миссионеров и немецких насильников-рыцарей. Еще в конце X века в земле пруссов был убит первый проповедник Адалберт (Войтех), чешский архиепископ, а спустя десять лет пруссы убили второго миссионера Бруно. В наказание за это польский король Болеслав Храбрый

¹ К. Маркс. Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. V, 1929 г., стр. 340, 342—343.

жестокое опустошил прусскую землю и убил многих пруссов.

То же произошло и в Прибалтике. В июле 1193 г. ливы убили преемника Мейнгарда — епископа Бертольда, за что тевтонские рыцари огнем и мечом опустошили ливские селения. Ливы принимали крещение только под угрозой казни. Но стояло немецким кораблям отплыть в море, как «новообращенные» бросались в реку Двину, восклицая: «Тут мы речной водой смываем воду крещения, а вместе и самое христианство; принятую нами веру мы бросаем и отсылаем вслед уходящим сакам!»

Не смущаясь общей ненавистью, немцы настойчиво продолжали свое завоевание ливонских земель. Особенно «успешно» действовал преемник убитого Бертольда — епископ Альберт («паршивый бременский каноник», как его с презрением называет К. Марк). Альберт собрал значительные военные силы для «обращения» Ливонии. В то время (в начале XIII века) римский папа неустанно призывал всех желающих к крестовому походу против язычников-славян, а заодно с этим и против русских-христиан. Крестоносцам обеспечивалась охрана имущества, и за год служения в войсках епископа Альберта прощались грехи.

Для разжигания воинственного настроения были пущены в ход всевозможные средства религиозно-мистического одурманивания масс. В Германии подвизались всякие странники, нищие, монахи и ясновидящие, которые с жаром рассказывали о виденных ими «чудесных знамениях». Духовенство опешило воспользоваться возбуждением фанатиков, раздавало мечи, посохи и сумки пилигримов (шаломников).

В основе всего этого «мистического энтузиазма» лежала попросту жажда легкой наживы и приключений. «...конке-рам такая *охота* была по душе: северонемецкие купцы добровольно давали *деньги и корабли*, потому что в этих местах торговля была выгодна: по прошествии года епископ отпускал рыцарей, и тогда вместо них приходили из Германии другие. *Жаждающие добычи и приключений рыцари принимаются за дело*»¹.

В 1201 г. Альберт построил в устье Двины город Ригу, а в следующем году учредил орден рыцарей-меченосцев.

В это время полоцкий князь Владимир был занят распрями со своими родичами и кровопролитной борьбой с

¹ К. Марк, Хронологические выписки, Архив Марка в Бондесе т. V, 1938 г., стр. 311.

литовцами. Он был недоволен тем, что ливы перестали платить ему дань. В 1203 г. он осадил немецкий замок Икскуль, но вскоре удовлетворился выкупом и снял осаду.

Рыцари все больше наводняли страну. Крепко ненавидели их «новообращенные» ливы. Они изнемогали от немецких поборов и жестоких насилий. Эти несчастные люди пытались найти поддержку у князя Владимира, который в 1206 г. дважды подступал к окрестностям Риги, но каждый раз его походы оканчивались неудачно.

Завоеватели умело вели свою игру. В 1207 г. земли ливов по нижнему течению Двины были ими окончательно покорены. Даже Вячко, смелый князь Кукенойса, выпущенный был смириться, поняв всю безвыходность своего положения. Тщетно взывал он к помощи Владимира Полоцкого, советуя ему собрать поскорее войско и брать Ригу. Узнав о появлении больших сил крестоносцев, Владимир воздержался от выступления. Тогда Вячко окончательно покинул свой замок и в 1208 г. ушел в новгородскую землю, а его воины «собрали свое имущество, поделили между собой коней и оружие тевтонов, подожгли замок Кукенойса и побежали каждый своей дорогой» («Хроника Ливонии» XI, 9).

Так пал Кукенойс. По приказанию епископа Альберта этот замок вскоре был восстановлен и сильно укреплен.

Не менее печальная участь постигла и другой русский город Ливонии — Герсикэ, взятый и разграбленный в 1209 г. немцами.

«Тот день,—говорится в «Хронике Ливонии»,—все войско (епископа Альберта) оставалось в городе, собрало по всем его углам большую добычу, захватило одежду, серебро и пурпур, много скота, а из церквей колокола, иконы, прочее убранство, деньги и много добра... На следующий день, растащив все, подожгли город».

Пять лет спустя (в 1214 г.) Герсикэ был снова дважды взят рыцарями и дотла разграблен. С этого времени Герсикэ навсегда запустел и подвергся разрушению. Положение русских в Ливонии, наводненной немецкими завоевателями, было незавидным. Полоцким князьям пришлось отныне навсегда отказаться от ливской дани. Еще один раз попытался Владимир полоцкий восстановить свои прежние права. В 1216 г. совместно с восставшими ливами и союзниками литовцами он готовил поход на Ригу, но скоропостижная смерть помешала его намерениям.

Покорив Ливонию, рыцари Ордена принялись свойственными им «методами» — насаяждать христианско-германскую «культуру» в Эстонии. Основная цель и «методы» немецких насильников были повсюду одни и те же. «Если бы эти племена были единодушны, — писал К. Маркс, — то христианско-германская скотская культура была бы вышвырнута вон»¹.

Какова была эта культура, о которой с умилением толковали немецкие проповедники, мы узнаем из одного ценного документа той эпохи, наивно восхвалявшего жестокие деяния рыцарей, — из «Хроники Ливонии». Хроника эта написана на латинском языке Генрихом Латвийским, очевидцем и участником событий. Автор «Хроники» — верующий католик и слуга церкви — прославляет все жестокости, совершаемые именем Христа и церкви. Он старательно и подробно рассказывает о жестокостях тевтонских варваров, и наивный рассказ этот является для них убийственным обвинительным актом.

«И разделилось войско по всем дорогам и деревням, — рассказывает Генрих Латвийский о походе в Зонтагану и Приморскую область Эстонии, — и перебили они повсюду много народа, и преследовали врагов по соседним областям, и захватили в плен женщин и детей... Обходя все кругом, разоряли и сжигали (все), что находили, а коней и бесчисленное множество скота утнали с собой... Многие язычники, спасшиеся бегством в леса или на морской лед, погибли, замерзши от холода».

А вот как немецкие рыцари расправлялись с мирным деревенским населением:

«По прибытии в Роталию наши разделили войско, — рассказывает хронист Генрих, — отрядами по всем дорогам и деревням и застали по деревням мужчин, женщин и детей, так как там ничего не слышали о предстоящем приходе войска. И в гнев своем (тевтонцы) ударили на них и умертвили всех мужчин... и залили кровью язычников все дороги и места, и преследовали их по всем областям морского края».

Вот рассказ о «подвигах» венденского рыцаря Бертольда, Теодериха, брата епископа, и других немецких бандитов. «Они... разорили всю землю за рекой, сжигая деревни и убивая мужчин; захватили женщин и детей и, нанеся вред, какой могли, вернулись в Ливонию... Не

¹ К. Маркс, Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, кн. V, 1938 г., стр. 341.

имели покоя, пока в то же лето девятью отрядами окончательно не разорили ту область, обратив ее в пустыню, так что уж ни людей, ни съестного в ней не осталось. Но думали они: либо воевать до тех пор, пока уцелевшие эсты не придут просить мира и крещения, либо истребить их совершенно».

Очень часто немецкие рыцари предпочитали действовать не сами, а посредством покоренных ими племен, которых искусно возбуждали друг на друга. Так, например, при завоевании Ливонии они умело направляли лэтов на ливов, а при покорении Эстонии — ливов на гаррионцев. Вот потрясающий рассказ о массовой расправе с гаррионцами. «Была добыча ливов чрезвычайно велика, так как они обложили подземные пещеры гаррионцев, куда те обыкновенно всегда спасались: зажгли огонь при входе в пещеры и, дымя днем и ночью, удушили всех — и мужчин и женщин. Вытащив затем из пещер одних задыхающимися, других едва живыми, третьих мертвыми, живых перебили или увели в плен, а все имущество, деньги, одежду и всю большую добычу захватили. Было же всего задохнувшихся обою пола во всех пещерах до тысячи душ. Потом ливы с тевтонами пошли обратно, благословляя бога за то, что он смирил гордые сердца и привел их к вере христианской».

Неслыханные зверства немецких рыцарей вызвали возмущение у покоренных эстов. В 1223 г. по всей Эстонии вспыхнуло всенародное восстание. Эсты захватили на острове Эзеле замок, недавно построенный датчанами, союзниками немецких рыцарей. Затем восстали жители областей Гаррии, Вирландии, Ервена. Повстанцы взяли штурмом мощную крепость Фелли и, угрожая Ревелю, призывали на помощь нековичей и новгородского князя Ярослава (отца Александра Невского). Но ни Псков, ни Новгород не оказали им своевременной поддержки, и восстание было подавлено.

Один пункт за другим переходил в руки рыцарей и епископских воинов. Только один Юрьев продолжал держаться стойко. Мужественно оборонял его князь Вячко, бывший князь Рукенпойса. Непримиимый враг католических колонизаторов, он группировал вокруг себя всех недоброжелателей края и, не страшась гнева рижского епископа, продолжал собирать дань с чуди, жившей в окрестностях Юрьева. По выражению Генриха Латвийского, Вячко был ловушкой и сущим дьяволом-искусителем

для эстов и саккалан». Дважды пытался Орден овладеть Юрьевом (зимой 1223 г. и в апреле 1224 г.), но безуспешно. Прекрасно укрепленный и вооруженный замок противостоял всем вражеским нападениям. Епископ обратился с воззванием к Вячку, призывая его «отступить от мятежников, оскорбивших таинство крещения и вернувшихся к язычеству». Но русский князь ответил категорическим отказом, заявив, что, «давши ему этот замок с прилегающими землями в вечное владение, новгородцы и русские князья обещали избавить его от нападений тевтонов».

После падения Феллина¹ (в начале сентября 1224 г.) немцы обрушили все свои силы на Юрьев, решив любой ценой взять его. Поля вокруг Юрьева покрылись вражескими шатрами, и к стенам крепости была придвинута «крепкая осадная башня из бревен, которую 5 дней искусно строили из крупных высоких деревьев». Немцы начали вести подкоп, причем работа шла днем и ночью без перерыва.

Часть подкопанного вала рухнула, и тогда осадную башню удалось придвинуть еще ближе к замку. Снова немцы предложили Вячку сдаться. Ему предлагали свободный путь для выхода со всеми его людьми, конями и имуществом, но Вячку отказался. Он все еще надеялся, что новгородцы придут на помощь. Осада продолжалась с удвоенной силой. «Многих на верху вала ранили стрелами из баллист», — рассказывает Генрих Латвийский: «Других перебили камнями метательных орудий, бросали в замок из камнеметных орудий раскаленное железо, горшки с горящими углями. Одни готовили орудия, называемые «сжком» и «свишьей», другие складывали костры из бревен, третьи подкладывали огонь — и бились так много дней. Бывшие в замке построили свои машины, а против стрел христиан направили своих лучников и баллистариев. Не было отдыха усталым. Днем бились, ночью устраивали игры с криками и с музыкой».

Но вот однажды эсты выкатили сквозь отверстие в валу колеса, наполненные горящими углями, и сбросали дров, чтобы поджечь движущуюся осадную башню. Но рыцари отстояли свою башню. Одни ворвались в замок сквозь пролом, другие взяли вал штурмом, — и началась жестокая сеча. Число убитых доходило до тысячи. Все русские

¹ Феллин — укрепленный центральный город Ливонии между Юрьевом и Рижским заливом.

воины, числом 200, были поголовно уничтожены. Мужественный Вячко погиб смертью героя.

Так пал Юрьев, последний оплот русских в Прибалтике. Весь этот героический эпизод отмечен в русских летописях одной скупой строчкой: «Того же лета (1224 г.) немцы убили князя Вячка в Юрьеве, а город взяша».

Напрасно дожидался Вячко новгородской помощи: только в сентябре 1224 г. Всеволод Юрьевич, князь новгородский, прибыл в Псков и, узнав о падении Юрьева, вернулся с войском домой. Слишком поздно вздумал он выступить на помощь храбрым защитникам Юрьева!

К осени 1224 г. вся Ливония очутилась во власти католиков и немецких рыцарей. Черная вражеская туча двигалась дальше — на русский Восток. Причиной этого несчастья был вовсе не недостаток храбрости и патриотизма у русских людей, а отсутствие у русских князей единства, непрерывные распри их и усобицы, мешавшие дать серьезный отпор немецкому агрессору. Впоследствии немецкие рыцари неоднократно терпели сильные поражения от русских. В начале 1234 г., как сообщают наши летописи, Ярослав новгородский разбил немцев у Юрьева. «И бил он их до реки, и пало тут много лучших немецких воинов. Много немцев потопили, иные раненные вбежали в Юрьев, а иные — в Медвежью Голову (Оденпо)».

В 1236 г., как говорит Маркс в «Хронологических выписках», «этих псов жестоко отдули». Подробнее об этом поражении рассказано в ливонских хрониках: «Немцы понесли большой урон и обратились в бегство. (На поле битвы) остались убитыми: храбрый полководец, магистр Фолкуин, граф Данненберг и прочие 48 рыцарей в полном вооружении и много простых воинов. Это несчастье заставило каждого ливонца мечтать о скорейшем слиянии ордена меченосцев и тевтонского ордена».

Сперва слился тевтонский орден с орденом «Добринских братьев», позже, в 1237 г., к ним присоединились ливонские рыцари-меченосцы. Объединенные рыцари, сохранившие название «тевтонских», представляли уже грозную силу. С воодушевлением и ненавистью глядели они на русский Восток, мечтая о завоевании русских земель и порабощении Новгорода и Пскова.

Вот каков был враг, с которым юному новгородскому князю Александру предстояло померяться силами.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ АЛЕКСАНДРА

В ОЖИДАНИИ ТАТАРСКОГО НАШЕСТВИЯ

Родился Александр 30 мая 1220 г.¹ в Переяславле Залесском, где отец его Ярослав был князем. Этот небольшой городок, расположенный по обоим берегам реки Трубежа, в 128 км от Москвы и на таком же расстоянии от Ярославля, среди неровной и довольно болотистой местности, был основан дедом Александра, князем Юрием Долгоруким.

Детство Александра было беспокойным. В 1228 г. Ярослав, призванный княжить в Великом Новгороде, оставил там своих сыновей — Александра и Феодора, — а сам уехал оттуда. Спустя некоторое время обоим мальчикам пришлось бежать из города. Причиной их побега была ссора отца с новгородцами. Между ними существовали своеобразные отношения: в Новгороде князь был только полководцем, которого горожане могли призвать или прогнать. Новгородцы несколько раз прогоняли Ярослава за крутой нрав и насилия, чинимые им над местным населением: однако они вынуждены были призывать его обратно, так как нуждались в услугах этого князя.

Высшим органом власти в новгородском княжестве было вече — собрание всех свободных граждан, достигших совершеннолетия. Представителем города перед князем был избранный вечею посадник, охранявший интересы горожан и отстаивавший их права. Без посадника князь не имел права судить новгородцев и раздавать волости.

В отсутствие князя посадник управлял городом и даже иногда предводительствовал войсками. Новгород, крупный торговый центр, был феодальной республикой; господствующим классом в нем были бояре, землевладельцы и купцы. Трудовой люд Новгорода — «черные люди» — состоял из ремесленников, земцев (крестьян, владевших землей) и безземельных смердов (крестьян, живших работой на чужой земле).

¹ По другим данным годом его рождения считается 1219.

Хотя новгородцы и утверждали, что их вече выражает волю всего народа, но фактически руководили им бояре и богатые купцы. Путем подкуна, угроз и насилий бояре составляли себе большие партии на вече из так называемых «худых мужиков вечников» — и добивались всего, чего хотели. Часто в случае несогласия вече делилось на партии, и споры кончались рукопашной. Случалось иногда, что одно вече «звонили» на Торговой стороне Новгорода, другое — на Софийской; оба веча сходились и спорили на Волховском мосту, соединяющем эти части города. Бедный люд Новгорода был фактически орудием в руках враждующих боярских родов, которые нередко жертвовали благом родины во имя личных интересов.

Крутому и властному Ярославу было трудно ужиться с новгородцами. Одна из крупных ссор Ярослава с новгородцами произошла в 1228 г.

Призванный в третий раз княжить в Новгороде, Ярослав собирался в поход на Ригу, на ливонских рыцарей. Он привел полки из Переяславля. Но ни новгородцы, ни исковичи, крепко недолюбливавшие и боявшиеся Ярослава, не захотели его поддержать. У них были основательные причины относиться к нему с недоверием. Как мы уже знаем, в 1223 г. Ярослав был призван на помощь восставшими эстами. Ярославу тогда представлялся исключительный случай содействовать полному изгнанию из Эстонии ненавистных немецких захватчиков. Обстоятельства крайне благоприятствовали этому, но Ярослав не сумел или не захотел использовать благоприятный момент. «И послал король суздальский (т. е. Ярослав), — рассказывает Генрих Латвийский, — своего брата и с ним много войска, и шли с ним новгородцы и король (т. е. князь) лсковский со своими горожанами, а было всего в войске около 20 000 человек... И прислали им жители Дорпата большие дары, передали в руки короля (Ярослава) пленных братьев рыцарей и тевтонов, коней, баллисты и многое другое, прося помощи против латвиян». Поддержанный эстонскими повстанцами, Ярослав двинулся по направлению к Ливонии, но раздумал и, по совету встреченных им эзельских послов, пошел на Ревель, принадлежавший датчанам.

Соединившись с гервенцами, биронцами, варбольцами и эзельцами, Ярослав «осадил замок Линданизе, четыре недели бился с датчанами, но не мог ни одолеть их, ни взять их замок, потому что в замке было много баллистариев; убивших немало русских и эстов. Поэтому в конце

кениов король суздальский в смущении возвратился со всем своим войском в Руссию», — рассказывает нам тот же Генрих Латвийский. Как говорит псковский летописец, Ярослав «города не взяша, а злата много взяша».

Иными словами, в борьбе с опасными колонизаторами Прибалтики Ярослав вел ту же близорукую политику, что и его предшественники — новгородские князья.

Прельстившись деньгами, Ярослав не довел до конца успешного похода и не выступил против злейшего врага своей родины — немецких рыцарей. Он упустил случай способствовать единению всех эстонцев с Новгородской Русью.

Вот почему, когда Ярослав спустя пять лет обратился к псковичам с просьбой: «Ступайте со мной в поход», он получил ответ:

— Тебе, князь, кланяемся, и вам, братья новгородцы, но в поход не идем. С рижанами мы помирились. Вы к Колываню (Ревелю) ходили, взяли серебро и возвратились в Новгород, ничего не сделавши, города не взявши. Также и у Кеси (Вендена) и у Медвежьей Головы (Оденне), и зато нашу братью (немцы) побили на Чудском озере, а других в плен взяли. Немцев вы только раздражили, да сами ушли прочь. А теперь на нас что ли идти вздумали?

В свою очередь новгородцы заявили князю Ярославу:

— Мы без своей братии псковичей не идем на Ригу, а тебе, князь, кланяемся.

Долго уговаривал их Ярослав, но все его просьбы были напрасны.

Тогда разгневанный Ярослав уехал в Переяславль, оставив своих малолетних сыновей Александра и Феодора в Новгороде, под надзором их воспитателей — боярина Феодора Даниловича и тиуна (судьи) Иоакима.

Не успел князь уехать, как в городе начались сильные волнения. Осень в том году была необыкновенно дождливой, бессолнечной. Не удалось ни пашни пахать, ни убрать хлеб с полей. Житницы стояли пустые. «За все это время мы не видали ни одного светлого дня», пишет летописец.

Неурожай и голод вызвали сильное волнение в народе. Новгородский люд восстал, выгнал архиепископа (ирландца-иностранца к партии Ярослава), вытолкнул его за ворота и чуть не убил. Затем разграбили дома богатых бояр. Вооружившись, пошли на тысяцкого Вячеслава, разграбили его двор, двор брата его, двор стольника архиепископского